

18. Регушевський Є. С. Літературознавча та культурно-мистецька термінологія в творах М. Старицького // М. Старицький: творче обличчя і місце в національній культурі / Є. С. Регушевський. – К., 1990. – С. 56 – 58.
19. Регушевський Є. С. Літературознавча термінологія Ольги Кобилянської в світлі її теоретичних поглядів // Творчість Ольги Кобилянської в контексті української та світової літератури. – Ч.1. : Літературознавство Є. С. Регушевський. – Чернівці, 1988. – С. 44 – 46.
20. Регушевський Є. С. Вклад Лесі Українки в розвиток української літературознавчої термінології // Літературний феномен Лесі Українки Є. С. Регушевський. – Сімферополь, 1996. – С. 16–17.
21. Регушевський Є. С. Літературознавча термінологія П. А. Грабовського в світлі його теоретично-критичних поглядів // П. А. Грабовський – визначний громадський діяч, поет-революціонер, перекладач, фольклорист. – Суми, 1989. – С. 100–101.
22. Регушевський Є. С. Роль Т. Г. Шевченка в утвердженні в сучасній українській мові літературознавчої термінології / Шевченко і розвиток мов соціалістичної співдружності : Тези доп. і повід. респ. наук. конф. / Є. С. Регушевський. – К., 1989. – С. 112–113.
23. Ткаченко Анатолій. Мистецтво слова (Вступ до літературознавства) / Анатолій Ткаченко. – К. : Вид-во Київського університету, 2003. – 448с.
24. Франко І. Твори в двадцяти томах / І. Франко. – К. : Держлітвидав УРСР, 1950–56. Т.17. – 530 с.
25. Шевченко Т. Повне зібрання творів у десяти томах / Т. Шевченко. – К. : Вид-во АН УРСР. – Т. II. – 1953 ; Т. IV – 1957.

Потемкина Н.В.

УДК 81.373.612.+712.3

СЕМАНТИКА ОБРАЗОВ РАСТЕНИЙ В ПОЭЗИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

***Аннотация.** Проведен анализ семантики образов деревьев в поэзии М.Ю.Лермонтова. Показаны взаимосвязь образов растений с национальной и творческой идентификацией личности поэта, фольклорные истоки его творчества. Показано значение изучения поэзии М.Ю.Лермонтова для создания русских садов.*

***Ключевые слова:** семантика, образы растений, сады.*

***Анотація.** Проведений аналіз семантики образів дерев у поезії М.Ю.Лермонтова. Виявлений зв'язок образів рослин із національною та творчою ідентифікацією особистості поета, фольклорні джерела його творчості. Виявлено значення вивчення поезії М.Ю.Лермонтова для створення російських садів.*

***Ключові слова:** семантика, образи рослин, сади.*

***Summary.** The semantic system of tree's images in the Lermontov's poetry was studied. Correlation of tree's images with national and personal poetic identification was proved. The folk and religious sources of poetic images found out. Importance of Lermontov's poetry for the study and restoration of Russian gardens was proved.*

***Keywords:** semantic, tree's images, gardens.*

Постановка вопроса. Произведения поэзии XIX века вдохновляют не только труды искусствоведов и современных творцов, но и ландшафтных дизайнеров, связывающих свою деятельность с реставрацией старинных и созданием новых объектов ландшафтной архитектуры в России. Важным источником изучения символики растений, слагающих основу старинных русских садов, являются творения великих русских поэтов. Целью настоящего исследования является изучение семантики образов растений в творчестве М.Ю. Лермонтова. Для анализа одной из образных систем поэзии М.Ю. Лермонтова изучались древние и современные ему символы растений и садов.

Методической основой исследований послужили аналитические труды академика Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, М.Я. Полякова [6,7,8], позволяющие изучать семантические истоки восприятия человеком образов аборигенных и экзотических растений русских садов, в том числе и созданных в первой половине XIX века. В исследованиях современных искусствоведов указывается, что очерченная на уровне семантики типология взаимоотношений сада, его растений и поэтического текста предполагает представление о существовании словесности и садоводства как автономных, и в то же время тесно взаимосвязанных областей искусства [1]. Известный искусствовед В.С. Турчин отмечает, что современным историкам садово-паркового искусства «...изучая сады, следует шире, чем обычно это делалось, привлекать всю литературу того времени, когда они создавались и цвели» [10].

В итоге ландшафтный архитектор, изучая творчество современников феномена старинного русского сада, использует литературные тексты для построения его модели в художественно-стилевых и мировоззренческих аспектах. Литературоведов, как правило, интересует изучение садов и растений как темы художественного произведения, а в данной работе поэтические произведения рассматриваются как источник информации о семантике образов растений в творчестве великих поэтов, использовавших сады и пейзажи как источник вдохновения, выбора художественных приемов и ассоциативных построений.

Результаты исследований. Творчество М.Ю. Лермонтова искусствоведы традиционно разделяют на два периода. В произведениях каждого периода поэт тонко использовал образы растений для передачи сложных сочетаний чувств. В разных произведениях Лермонтова заметно сочетание символики древних славянских образов, христианской семиотики и влияние образных форм романтической английской поэзии. Разнообразие источников и приемов творчества послужило основой для необыкновенно плодотворной

работы безвременно ушедшего из жизни поэта. У любого поэтического произведения, безусловно, есть имманентные свойства, причины возникновения и художественные приемы. В творчестве Лермонтова мы можем наблюдать некоторые закономерности применения семантики образов растений.

В родах крестьян из села Тарханы сохранились воспоминания о том, что юный поэт с увлечением относился к сбору народных песен и сказок. Современные потомки крепостных крестьян рассказывают, что Лермонтов просил селян не начинать без него праздничные гуляния, так как боялся пропустить даже небольшие его фрагменты [2]. Известно, что и донныне жители глубинных районов России отмечают гуляниями как христианские праздники, так и языческие. При этом веками происходит проникновение древнейших символов в тексты и обрядовые действия, в содержание и форму более поздних по происхождению песенных и танцевальных элементов праздника. Лермонтов, по-видимому, мог наблюдать отдельные события этого длительного и сложного процесса. Из передаваемых почти двести лет воспоминаний крестьянских семей известно, что молодой поэт записывал тексты песен и зарисовывал движения участников танцев. Вероятно, именно в это время он знакомился с древней славянской символикой растений, животных, небесных тел и божеств. Другим источником восприятия вековых символических текстов являлось общение поэта с его няней-кормилицей, любовь и уважение к которой он сохранял всю жизнь [2]. С младенческих лет он слышал песни, содержание и форма которых восходила к обрядам общения древних славянских племен с силами обожествлявшейся природы. Можно предположить, что крестьянка-кормилица пела младенцу колыбельные песни, основанные на речитативах-обращениях к тотемическим покровителям определенных славянских родов. Обычно такие обращения крестьяне исполняли в строго определенные сезоны года (начало сева или жатвы сельскохозяйственных культур, начало распускания листьев или листопада на деревьях) или в процессе отдельных событий (рождение или смерть человека, свадьба или похороны). Старинные крестьянские напевы произвели на Лермонтова чрезвычайно сильное впечатление и, по всей видимости, стали частью его мировоззрения, что отразилось в его представлении о посмертном успокоении человека:

Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.
(«Выхожу один я на дорогу»)

Этот фрагмент широко известного произведения показывает – поэту были хорошо известны древние обряды похорон павших славянских воинов, покровителем которых считался дуб обыкновенный. Это растение было не только символом долголетия (оно в благоприятных условиях может достигать возраста 800-1000 лет), но и символом военной доблести мужчин, которые через сакральные обряды отпеваний и посадки на могилах дубовых деревьев получали бессмертие в мире усопших предков. [3]. Интересно и то, что крестьяне села Тарханы были инициаторами посадки дуба возле небольшой часовни, где покоится прах М.Ю. Лермонтова (Рис. 1).

Рис. 1. Дуб, посаженный возле часовни в с. Тарханы над могилой М.Ю. Лермонтова [2].

В этом прослеживается не только знакомство жителей села с произведениями поэта, не только исполнение его воли, выраженной поэтическим языком, но и соблюдение древнейших народных традиций. Посадка дуба над могилой выражала признание крестьянской общиной, группой семей больших заслуг человека перед племенем, народом [11]. В индоевропейской традиции дуб – небесные врата, через которые происходит общение божества с человеком. Дуб – алтарь, где боги вершили суд над смертными людьми. Образ дуба для гонимого поэта становится надеждой на справедливое высшее правосудие над ним и его гонителями. Другим оттенком образа дуба является восприятие поэтом себя как части своего народа:

Дубовый листок оторвался от ветки родимой...
(«Листок»)

Из древних обрядовых песнопений воспринял М.Ю. Лермонтов и любовь к другому тотемическому растению – березе повислой. Поклонение этому растению содержит сложную символику [4]. С одной стороны, древние жители Руси относились к ней, как к покровительнице девственной женской красоты, хранительнице телесной и духовной чистоты, целомудрия. Береза с зеленой кроной у поэта становится символом прекрасной девы, целительницы душевных ран, дающей надежду на возвращение любви, пусть даже на руинах прошлого. Сердце, перенесшее обман, все равно любит и надеется:

И в глубине моих сердечных ран
 Жила любовь, богиня южных дней.
 Так в трещине развалин иногда
 Береза вырастает молода
 И зелена, и взоры веселит,
 И украшает сумрачный гранит...
 Но с корнем не исторгнет никогда
 Мою березу вихрь...

(«1831-го июня 11 дня»)

В то же время осенние безлистные кроны берез воплощают неизбежную грусть и утраченные надежды:
 Встречает взгляд березы две иль три,
 Которые под синеватой мглой
 Чернеют вечером в дали пустой...

(«1831-го июня 11 дня»)

С другой стороны, у угро-финских племен (территория Пензенской области, села Тарханы относятся к их прародине) береза и липа были «матерями деревни» - родины воинов. Именно этим деревьям кланялись уходившие на битву воины, именно о них вспоминали в военной страде, именно за них погибали на полях сражений.

...Как легкий дым,
 Туман окрестность одевает,
 И хладный ветер по листьям
 Высоких лип перебегает.

(«Завещание»)

Крестьяне верили, что береза как первая порода, распускающая лист весной, дает плодородие полю, а заканчивается этот процесс созреванием зерна хлебных злаков [9]. В мировоззрении славян издавна прочно связаны образы березы и хлебной нивы. Для Лермонтова, как для русского человека, это стало символом его Родины. Он мечтает вернуться в родные края и увидеть:

И на холме средь желтой нивы
 Чету белеющих берез...

(«Родина»)

В более поздние исторические эпохи у восточных славян береза становится образом женщины, скорбящей о погибших близких людях. Наиболее поздняя символика березы в качестве хранительницы «сердечных чувств» человека, нежных слов, обращаемых к предмету глубокой любви, находит воплощение в образе Родины, края предков многих народов, живущих на территории современной Восточно-Европейской равнины – колыбели славянской культуры. Творчество Лермонтова показывает возможности использования образа березы для построения определенных композиций русского сада, а именно – пейзажных малых картин романтических свиданий, воспоминаний, мест вдохновения поэтической лирики.

Вторым важным источником формирования мировоззрения поэта было классическое воспитание на библейских источниках, символика которых была хорошо знакома и ему, и читателям произведений. Частая гостья на страницах произведений поэта - мифическая страна счастья, где найдет покой измученный сомнениями и страданиями человек. Символами далекой страны становятся пальмы, кипарисы, розы. Южные растения символизируют отдых от ратных дел, от принужденных странствий:

Есть птичка рая у меня,
 На кипарисе молодом...

(«Надежда»)

Пальма в ветхозаветных текстах символизирует жизнь, а в более поздних толкованиях – рай, воспоминание об утраченном рае [12]. В новозаветных текстах пальма символизирует очищение от искушений и «пальмовое воскресенье». Сухие листья пальмы хранились в домах русских паломников, побывавших в святых для христиан местах:

Скажи мне, ветка Палестины:
 Где ты росла, где ты цвела?
 Каких холмов, какой долины
 Ты украшением была?

...

Молитву ль тихую читали,
 Иль пели песни старины,
 Когда листья твои сплетали
 Солима бедные сыны?
 И пальма та жива ль поныне?
 Все так же ль манит в летний зной
 Она прохожего в пустыне
 Широколиственной главой?

...

Заботой тайною хранима,
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой.
(«Ветка Палестины»)

В своих произведениях М.Ю.Лермонтов постоянно противопоставляет образы северных растений и обитателей «знойного юга». Это символы далеких друзей или любимых, которые и были «райским садом» поэта, с которыми много раз ему приходилось расставаться:

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна.
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.
И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.
(«На севере диком»)

Достаточно традиционно в стихотворчестве Лермонтова выступает образ розы, как неперменного атрибута райского сада:

Златит Восток, страна чудес,
Страна любви и сладострастья,
Где блещет роза – дочь небес...
(Ангел смерти»)

Лермонтов был одним из немногих русских поэтов, применявших в стихотворчестве образ чинары (платана) как символа райских садов:

У Черного моря чинара стоит молодая,
С ней шепчется ветер, зеленые ветки лаская;
На ветках зеленых качаются райские птицы...
(«Листок»)

В то же время поэт изменяет традиционную символику и превращает чинару в другие образы. Это образ холодной красавицы, отвергающей душевные порывы поэта, искренность которого пугает обитателей лицемерного высшего света:

«На что мне тебя? – отвечает младая чинара, -
Ты пылен и желт, - и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал – да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы».
(«Листок»)

Обманывает и надежда на новое счастье, не находит поэт-скиталец новой любви:

«Иди себе дальше, о странник! Тебя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море».
(«Листок»)

Возможно и понимание этого стихотворения как попытку изгнанника найти новую родину. Однако в самом построении стиха виден неслучайный выбор мало знакомого для русскоязычного человека XIX века образа платана, прекрасного высокого экзотического дерева, не выдерживающего при этом холода и ветров русских просторов. Поэт понимает, что пышные райские сады южных краев не заменят ему тихих романтических садов русских усадеб, о которых он грезит.

В иконографии парков русских дворянских родовых усадеб особым семантическим образом стали длинные аллеи, места романтических свиданий и воспоминаний (Рис. 2).

Рис. 2. Липовая аллея в усадьбе Середникова [2].

Эти «тесно обсаженные липами сравнительно узкие аллеи были одной из самых характерных черт русских садов, особенно усадебных, и составляли их красоту» [6]. В старых темных аллеях усадьбы Середникова ночью блуждает призрак отвергнутой первой любви поэта:

Высоких лип стал пасмурней навес,
Когда луна взошла среди небес.
(«Ночь. III»)

Не только религиозная древняя символика вдохновляла творчество молодого человека. Одним из романтических символов байроновского стиля в поэзии Лермонтова является задумчивый, грустный сад. Старинный сад бабушкиной усадьбы, его темные аллеи вспоминает в разлуке с родным домом поэт:

И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;...
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится - и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я, сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами,
И странная тоска теснит уж грудь мою...
(«1-е января»)

Особенным значением проникнуто обращение поэта к дереву, посаженному в честь его рождения в родном саду. Известна древняя традиция многих народов – посадка дерева как двойника человека. Двойник параллельно проживает с человеком все повороты судьбы, он внимает исповедам человека:

Давно ли с зеленью радушной
Передо мной стояло ты,
И я коре твоей послушной
Вверял любимые мечты...
(«Дереву»)

Приведенные примеры показывают семантическую палитру творческих приемов М.Ю. Лермонтова, совершенное владение традиционной поэтической символической и поиски оригинальных художественных средств, в частности и в том, что касается образов растений.

Выводы. Символика растений рассмотрена в творчестве М.Ю. Лермонтова в нескольких аспектах. С одной стороны, образы растений раскрывают первичные истоки вдохновения поэта – фольклор славянских и угро-финских племен, в ареал проживания которых в древности входила и территория нынешней Пензенской области, села Тарханы. Символика связана с идентификацией национальных корней поэта, ассоциативности образов «родных» ландшафтов, как истоков физического и духовного рождения.

С другой стороны, в произведениях поэта прослеживается влияние древнейшей семантической системы на восприятие М.Ю. Лермонтовым образа воина, его борьбы и посмертного успокоения.

В творчестве поэта прослеживается вполне закономерное сильное влияние христианской символики, являвшейся отражением поисков райского прибежища души. В одних произведениях эти образы оптимистичны, а в других утопичны.

В творчестве М.Ю. Лермонтова наблюдается не шаблонное использование образов растений, а разнообразие оттенков их символических значений в конкретных произведениях. Исследование применения образов растений в произведениях русских поэтов может стать семантической основой для реставрации старинных русских парков XIX века.

Источники и литература:

1. Ананьева А. В. Сады и тексты / А. В. Ананьева, А. Ю. Веселова // Новое литературное обозрение. – 2005. – вып. 75 (5). – С. 348–375
2. Андроников И. Л. А теперь об этом / И. Л. Андроников – М. : Советский писатель, 1985. – 544 с.
3. Ивакин Г. Ю. Священный дуб языческих славян / Г. Ю. Ивакин // Советская этнография. – 1979. – №2. – С. 106–114
4. Иванов В. В. Славянские языковые моделирующие семиотические системы / В. В. Иванов, В. Н. Торопов. – М. : Наука, 1965. – 102 с.
5. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений / М. Ю. Лермонтов. – М. : ГИЗ художественной литературы, 1957. – Т.1. – 427 с.
6. Лихачев Д. С. Поэзия садов : К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст / Д. С. Лихачев – Л. : Наука, 1991. – 371 с.
7. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю. М. Избранные статьи. – Т.1. – Таллинн, 1992. – С. 129–132.
8. Поляков М. Я. Вопросы поэтики и художественной семантики / М. Я. Поляков – М. : Наука, 1986. – 311 с.
9. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов / В. К. Соколова – М. : Наука, 1979. – 127 с.
10. Турчин В. С. Любителям прогулок по садам / В. С. Турчин // Русская усадьба Сб. ОИРУ. – 2003. – №9 (25). – 47 с.
11. Фрезер Д. Золотая ветвь / Д. Фрезер – М. : Политиздат, 1983. – 703 с.
12. Фрезер Д. Фольклор в Ветхом Завете / Д. Фрезер – М. : Политиздат, 1985. – 510 с.

Решетов Э.С.

УДК 811.512.145.282

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЮЖНОБЕРЕЖНОГО ДИАЛЕКТА КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Цель статьи – ознакомить читателей с особенностями диалектов крымскотатарского языка. В статье исследуются фонетические и морфологические особенности южнобережного диалекта крымскотатарского языка. Анализируются гласные и согласные звуки южнобережного диалекта. Особое внимание уделяется аффиксам настоящего и прошедшего времени, системе падежей, причастиям, личным и указательным местоимениям. В работе представлены фонетические, морфологические и лексические диалектизмы. Освещаются некоторые интересные факты из истории изучения диалектов крымскотатарского языка.

Ключевые слова: транскрипция, диалект, диалектизм.

Анотація. Мета статті – ознайомити читачів з особливостями діалектів кримськотатарської мови. У статті досліджуються фонетичні та морфологічні особливості південнобережного діалекта кримськотатарської мови. Аналізуються аффікси теперішнього та майбутнього часів, система відмінків, дієприкметники та займенники. Представлено багато фонетичних, морфологічних та лексичних діалектизмів. Присутня класифікація діалектів. Вказується що майже у кожному кримськотатарському селі були свої особливості вимови. У статті освітлюються деякі факти з історії вивчення діалектів кримськотатарської мови.

Ключові слова: транскрипція, діалект, діалектизм.

Summary. The purpose of the article is to give the reader some information on Crimean Tatar dialects. The article deals with the most important problems which arise at practical studying dialectology. As the title implies the article describes phonetic and morphologic structure of southern dialect of Crimean Tatar language. The main principles of sound changes in Crimean Tatar dialects are deduced. The text gives a valuable information on using of vowels and consonants in the work. Much attention is given to affixes of past and present tenses, system of cases, participles, demonstrative and personal pronouns. Many phonetic, morphologic and lexical dialecticisms are shown in the article. Different classifications of Crimean Tatar dialects are proposed. It should be stressed that almost every village had its own linguistic peculiarities. It is described in short some interesting facts from the history of investigation of Crimean Tatar dialects.

Keywords: transcription, dialect, dialecticism.

Постановка проблемы. Сегодня крымскотатарский язык является одним из наименее исследованных тюркских языков. Особенно мало исследованными остаются диалекты крымскотатарского языка. При таком положении возникает необходимость скорейшего сбора и исследования материалов по малоизученным диалектам и говорам крымскотатарского языка.